

NIKOLAY F. METLENKOV,
ALEXEY ZH. ABILOV,
KONSTANTIN V. KIYANENKO,
VALENTIN N. TKACHEV

МЕТЛЕНКОВ Н.Ф.,
АБИЛОВ А.Ж.,
КИЯНЕНКО К.В.,
ТКАЧЕВ В.Н.

MISSION OF ARCHITECTURE AND THE ARCHITECT

МИССИЯ АРХИТЕКТУРЫ И АРХИТЕКТОРА¹

The mission of Architecture and the Architect is a rare subject in both architectural science and architectural education. Although it is precisely this subject that provokes more often than others the actualization of philosophical reflections, theorizing of momentous doctrines and the construction of architectural methodologies and innovative authorial approaches.

Keywords: architecture, architect, architect, architectural science, architectural education

Миссия Архитектуры и Архитектора – редкая тематика и в архитектурной науке, и в архитектурном образовании. Хотя именно она и провоцирует чаще других актуализацию философских размышлений, теоретизирование судьбоносных доктрин, выстраивание архитектурных методологий и инновационных авторских подходов.

Ключевые слова: архитектура, архитектор, архитектурная наука, архитектурное образование

Метленков Н.Ф.

Миссия архитектуры — сложнейший социально-ориентированный архитектурный концепт. И сколько бы моделей ни предлагалось для отражения его контента, их всё равно будет недостаточно, а сами модели всегда будут фрагментарными и аспектными, провоцирующими на всё более расширяющие и углубляющие их уточнения. В то же время, социальный заказ на целостное видение миссии архитектуры заявляет о себе всё более требовательно.

В самом общем виде миссию архитектуры можно представить как саморазвивающуюся деятельность по производству материально-пространственной структуры социальных процессов, и тем самым — как активного продуктивно-рефлексивного «со-марафонца» непрерывно ко-эволюционирующей цивилизации. В такой модели «АРХИТЕКТУРА» и «СОЦИУМ» предстают диалектической парой генеративной базовой единицы само-развивающегося целого — «ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» [2]. Значимость роли архитектуры в этой модели — фундаментальная: без активного участия архитектуры в становлении цивилизации, самой цивилизации не было бы в том виде, в каком она сейчас существует, и какой в будущем она может стать.

Проблематика такого, по сути «философско-научного» видения миссии архитектуры сводится преимущественно к теоретико-методологическому поиску закономерностей саморазвивающейся бинарной взаимообусловленности «архитектуры» и «социума»: определения и последовательностей, когда и как одна составляющая доминирует над другой, и предпосылок смены их ролей, и аспектов их соприкосновения/изменения, и временной цикличности с которой эти трансформации происходят. Миссия архитектора, в этом случае, сводится к статусу главного создателя и преобразователя архитектуры, а это означает — и социума, который не только «сверхчувствительно» улавливает происходящие

социо-культурные перемены, но и адекватно их преобразует в материально-пространственную среду профессиональными средствами, основанными на методах саморазвивающейся архитектурной деятельности.

Проблематика такого «психолого-эмпирического», возможно даже в некоторой степени «художественного», подхода к видению миссии архитектора сводится к выявлению и исследованию перцептуальных средств определения различных эмпирических закономерностей и интенций в динамике контента метода архитектора. Причём, история развёртывания этого направления архитектурной деятельности — довольно давняя (со времён Платона и до настоящего времени): каким образом изначально практически «из-ничего», часто имея в действительности лишь груды камней и горы песка, возникают новые идеи и инновационные реальности в виде прекрасных дворцов, надёжного жилища, мощных укреплений и мостов, и многого другого из «списка» глобального великолепия среды жизнедеятельности человека. Этот трудно объяснимый «переход» из материально-пространственного хаоса и архитектурного небытия в архитектурный порядок и «красоту» удивлял и продолжает удивлять всех (жрецов, императоров, ученых), включая и самих творцов-архитекторов.

Суть взаимоотношений между архитектором (носителем творческого метода саморазвивающейся деятельности) и потребителем результатов применения творческого метода, за всё прошедшее время, по существу, не изменилась. По-прежнему, архитектор в исследованиях позиционируется как главный идеолог творческого метода преобразования окружающей среды. Причём, максимальная креативная нагрузка на архитектора приходится преимущественно на первой стадии архитектурной проектной практики: стадии творческого процесса генерации концепций архитектурной саморазвивающейся деятельности. Здесь архитектор предстаёт подобным некоему кибернетическому «чёрному ящику»

¹ Продолжаем публикацию материалов дискурсов Дискуссионного клуба журнала «Архитектура и строительство России» за 2023-2024 гг. [1]

(по У.Р. Эшби) [3]: на входе можно видеть требования, принципы, нормативы, фантазийность и т.д., а на выходе «из-под рук» и «из головы» архитектора можно видеть выходящими инновационные проектные концепции разномасштабных объектов (от дверной ручки до коллективно-личностных пространств и даже миров). Причём, эта первая стадия саморазвивающейся архитектурной деятельности в полной мере не имеет рациональной или нормативной основы (в привычном понимании), в сравнении с последующими стадиями архитектурного проектного процесса, где архитектор уже прибегает к помощи узких специалистов смежных профессий (инженеров, конструкторов, материаловедов и др.). Со временем, она не только не упрощается или проясняется, а напротив, становится более насыщенной и многообразной. Особенно это заметно в современной ситуации: включение в процесс архитектурной деятельности теоретико-парадигмальных средств постиндустриальной цифровой антропоцентрической парадигмы (компьютерные технологии, программное компьютерное обеспечение, интернет, нейро-сети, искусственный интеллект и др.).

Таким образом, и миссия архитектуры, и миссия архитектора сегодня представляют собой сложные динамические концепты, которые можно свести к взаимодействию двух ареалов архитектурных средств: ареала эмпирических средств художественного подхода и ареала теоретико-методологических средств научного подхода. Ареал эмпирических средств «контролирует», главным образом, обеспечение непрерывно совершенствующегося эргономического комфорта социума и человека, в частности. Под «контроль» ареала теоретико-методологических средств подпадает в основном процесс выявления и переосмысления актуальных интеллектуальных основ саморазвития архитектуры и архитектора, с целью выявления сущностных смыслов и законов само-развития материально-пространственной среды и социума.

Вполне закономерно, что на этом пути возникает множество ответвлений различного контента, ведущих как к теоретико-методологическим, так и к эмпирическим экспериментальным крайностям и открытиям в области закономерностей гармонизации искусственной среды, потребностей человека и социума в целом. При этом, в профессиональной архитектурной сфере сложилось так, что эмпирические средства художественного подхода начинают избыточно «обгонять» в своём саморазвитии теоретико-методологические средства научного подхода, в то время как, архитектор должен понимать возможности их обоих и уметь владеть ими в такой степени, чтобы они относительно гармонично взаимодополняли друг друга [4].

Подводя итог, следует отметить, что в архитектурной науке нужно и далее продолжать уточнять понимание миссии архитектуры и архитектора. Для этого уже в рамках обучения архитектуре — в методологическом контенте архитектурного образования должен быть сделан адекватный времени «рывок» профессионального погружения в процесс освоения научных средств саморазвивающейся деятельности в архитектуре.

Абилов А.Ж.

В своем сообщении я хотел бы затронуть тему трансформации архитектурного образования и статуса архитектора в современном Казахстане [5].

Миссия архитектора в реалиях сегодняшнего дня, представляется суперактуальной, и по многим причинам. Во-первых, эта тема затрагивает проблемы архитектурного образования и статуса архитектора в пространстве

СНГ, в частности в современном Казахстане, естественно, в условиях рыночной экономики, которая во многом изменила существующие формы образовательного процесса. Это понятно всем. Во-вторых, она во многом становится проблемой глобальной, учитывая необходимость отклика на стремительно меняющуюся картину современного мира в профессиональном, социальном, экологическом и научно-техническом аспектах.

В плане анализа трансформации архитектурного образования автор неоднократно выступал в средствах массовой информации, на международных конференциях, провёл масштабное научное исследование, включавшее анкетные опросы среди студентов и преподавателей, анализ учебных программ подготовки архитекторов в Казахстане, в Российской Федерации, в других странах СНГ и в дальнем зарубежье в том числе, провёл образовательный эксперимент, апеллируя в итоге к коллегам и уполномоченным органам сферы высшего профессионального образования Республики Казахстан с доказательствами того, что одной из причин «недоученности» в кавычках выпускников архитектурных школ на уровне бакалавриата является ничем неоправданной редуциацией содержания учебных программ по профилирующим дисциплинам, сокращение аудиторных часов обучения, архитектурному проектированию, истории архитектуры, архитектурной композиции. Основной вывод — в ошибочности стратегии слепого следования канонам Болонской декларации, которая логически привела в конечном счёте к отнесению архитектурной специальности к техническим дисциплинам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что касается статуса архитектора в современном Казахстане, то осязаемое его понижение почувствовали прежде всего в градостроительной сфере, где роль главных архитекторов, административных районов, областей сведена к минимуму, формальному участию в принятии жизненно важных проектных решений, генеральных планов городов, проектов детальной планировки отдельных участков городской среды.

Этому способствует повсеместное назначение на эти должности лиц, не имеющих архитектурного образования и, соответственно, не заинтересованных в строгом соблюдении утвержденных проектных решений, градостроительной документации согласно действующим нормам, композиционным и экологическим требованиям, требованиям безопасности среди жизнедеятельности населения в соответствии с принципами устойчивого развития. Надо сказать, что идёт беспрецедентное давление на разработчиков в градостроительной документации со стороны представителей крупного строительного бизнеса с целью корректировки уже утверждённых проектов для размещения в городах высокоплотного жилья повышенной этажности, зачастую без необходимой социальной инфраструктуры, без увязки с историческим контекстом, масштабом сложившейся застройки, оставляя без внимания вопросы безопасности жителей в случае ЧС, а в Алматы — в случае катастрофического землетрясения. Отражением понижения статуса архитектора, его роли в обществе является фактическое отстранение Союза архитекторов и Союза градостроителей Казахстана от разработки основного закона в сфере градостроительных отношений. Первоначальное его название — Градостроительный кодекс Республики Казахстан, которое, кстати, было инициировано Президентом республики Касым-Жомартом Кемелевичем Токаевым, заменено на Строительный кодекс Республики Казахстан и с таким названием рассматривается в настоящее время в Парламенте страны. Сейчас практически не проводятся открытые

конкурсы на разработку проектов генеральных планов городов, социально значимых общественных зданий и комплексов под эгидой творческих союзов. Взамен этого действует давно скомпрометировавшая себя система тендеров на разработку градостроительной и иной проектной документации, которая представляет лазейку для получения государственных заказов фирмам-однодневкам, не имеющим в своём составе высокопрофессиональных специалистов-архитекторов, но поднатюрившим на «выигрывании» этих тендеров. Возможно, на коррупционной основе.

В связи с этим закономерно встаёт вопрос, а что же делать, чтобы исправить ситуацию и всё поставить на свои места, повысить роль архитектора в обществе, создать предпосылки для высокоэффективного архитектурного образования?

Представляется, что нужно начинать с информированности общества о профессии архитектора, начиная со школьных лет, с введением в школьную программу дисциплин, посвящённых истории архитектуры и её роли в формировании нашей цивилизации. Знакомить школьников с произведениями выдающихся архитекторов современности.

Необходимо создать эффективную систему довузовского архитектурного образования, освещать и пропагандировать в СМИ роль архитекторов в повышении имиджа страны на международной арене, в развитии внешнего внутреннего познавательного туризма как источника весомого вклада в экономику страны. Нужно кардинально перестроить систему архитектурного образования, добиваться возвращения специалитета в шестилетнем обучении в ВУЗе.

Наряду со ступенчатой подготовкой архитекторов по схеме бакалавр, магистр, доктор философии в архитектуре. С продолжительностью обучения, соответственно, пять, два и три года. В Классификаторе специальностей высшего профессионального образования, позиционировать архитектуру как особую профессию, не относящуюся к технической сфере, стоящую на стыке искусства и инженерии, поднять роль учебных и производственных практик студентов-архитекторов на основе госбюджетного финансирования поездок к местам расположения выдающихся памятников архитектуры и передовых архитектурных фирм мира.

Значительно усилить материальную базу обучения архитекторов с оснащением учебных аудиторий и мастерских самой передовой техникой, включая устройства, основанные на технологии искусственного интеллекта. Добиться улучшения системы послевузовского архитектурного образования через факультеты и курсы повышения квалификации педагогов и архитекторов-производственников, специалистов, работающих в системе государственного управления, лицензирования контроля в сферах архитектурно-градостроительных отношений.

Прохождение квалификации должно подтверждаться не только соответствующими сертификатами, но и сдачей специальных экзаменов Аттестационной комиссии из числа опытных архитекторов, членов Союза архитекторов и Союза градостроителей республики на профессиональную зрелость и возможность занимать руководящие должности.

И главное: следует закрепить законодательно положение назначения на должности главных архитекторов всех уровней специалистов, имеющих высшее архитектурное образование, на конкурсной основе, при которой наряду с представлениями уполномоченных органов, решающее слово должно оставаться за компетентным жюри из числа опытных архитекторов, учёных и практиков.

Кияненко К.В.

Концепт миссии является конструктивной основой, интеллектуальным инструментом выстраивания архитектурного образования, архитектурной профессии [6]. И если миссия не осмыслена профессией и образованием, или профессией, или образованием, то это непременно сказывается на качестве того и другого.

Вот, коротко, основной тезис. А частные тезисы, которые направлены на раскрытие этого главного, звучат так. Во-первых, миссия — это интеллектуальный концепт, который выстраивает отношения между архитектурой и внешним миром вообще в широком смысле.

То есть, не только между архитектурой и обществом, между архитектурой и культурой, между архитектурой и природой, между архитектурой и какими-то высокими сущностями, которые должны формировать архитектуру и как профессию, и как образование, и как архив знания и во всех остальных смыслах.

Так вот, внимание к миссии возрастает в тех случаях, в тех странах, в тех цехах профессиональных, архитектурных, где профессия осознаёт себя частью общества и резко снижается в тех случаях, когда профессия себя рассматривает как автономную, независимую от общества, как подчинённую внутренним законам развития культуры, искусства или чего бы то ни было ещё.

В этом случае и архитектура вообще, и теория, вот эта мысль здесь звучала, становится такой областью самообслуживания архитектуры. И, в общем, это плохо заканчивается и для архитектуры, и для всех её факультетов.

Второй тезис звучит так, чем больше в архитектуре профессионализма, тем больше роли осмысления миссии, и наоборот.

И эта мысль уже тоже звучала, что архитектура — это деятельность синтетическая, что она одновременно и искусство, и наука, и инженерия, или строительство, или техника. И она ещё профессия, и она ещё бизнес. И вот эти пять составляющих, из них складывается архитектура как синтетическая форма деятельности. А в каждом из этих факультетов, в каждой из этих составляющих культивируется своё собственное понимание целей, предназначения и, можно сказать, миссии. Скажем, для искусства таким предназначением является культивирование креативности, культивирование видения, культивирование индивидуальной способности создавать, индивидуальной неповторимости, оригинальности и так далее. Для науки таким критерием и миссией является обоснованность и обоснование, для инженерии — грамотность, для бизнеса — предприимчивость и прибыльность.

А вот для профессии такой внутренней, встроенной в профессию сущностью является как раз общественное служение. И как таковая эта ценность больше ни одной из четырёх других составляющих архитектуры не культивируется.

Российская архитектура, она специфична тем, что, во всяком случае, в тех документах, материалах, которые её репрезентируют обществу, власти, она представляет себя как очень эклектичная смесь элитарного творчества или стремления к элитаризму творчества и такого, совершенно смиренного, подчинения девелопменту, строительству, инженерии, соображениям прибыли и так далее, и так далее.

То есть ни в творчестве, подчёркиваю, ни в инженерии, ценность осмысления миссии не содержится. Поэтому до тех пор, пока профессиональный компонент в этой пятикомпонентной архитектурной конструкции в достаточной степени не развит, получается, что архитектура осмысливает себя по-другому, не с точки зрения

предназначения вот этим высоким вещам общества, культуре, природе и так далее.

Я для того, чтобы этот тезис проверить, а в конце концов, — либо подтвердить, либо опровергнуть, сравнил два документа.

Документ Международного союза архитекторов был издан в 2017 году, и он является таким признанным ориентиром для развития архитектурной профессии практически повсеместно. Теперь вот и мы через Союз архитекторов, через наш Совет по архитектурному образованию пытаемся как-то пропагандировать этот документ, потому что он не является продуктом какой-то недружественной нам страны.

Это международный документ организации, частью которой является сегодня Союз архитекторов. То есть у нас есть все основания моральные и юридически следовать букве и духу этого документа. Вот что там говорится по поводу миссии архитектора, архитектурной профессии. В преамбуле написано следующее: «Как профессионалы, архитекторы обязаны работать с обществом, которому они служат. Эта обязанность превалирует над их личными интересами и интересами их клиентов». И далее — принципы профессионализма, и среди этих принципов, самое главное описание звучит так: «Представители архитектурной профессии привносят в общество уникальные навыки и способности, необходимые для устойчивого развития антропогенной среды, благополучия общества и культуры».

Вот это и является выражением самых главных фундаментальных ценностей, которых должна придерживаться в своем развитии архитектурная профессия, ну, а вслед за ней, архитектурное образование. А если мы посмотрим российский профстандарт 2022 года, то там вообще никаких таких гуманитарных общих рассуждений нет. Этот документ, видимо, себя позиционирует как такой очень деловой, но все-таки определенное представление о том, что такое миссия архитектуры, там просвечивает в вводной части. Там написано следующее, что основная цель профессиональной деятельности — создание архитектурного объекта, включающего в себя творческий процесс создания авторского архитектурного проекта. Здесь вы чувствуете два ключевых слова — «творчество» и «авторство». Это как бы всё то, что имеет отношение к архитектуре как к искусству. И тут же — о координации разработки всех разделов проектной документации для строительства.

После этих высоких материй мы тут же переходим к очень приземлённому трактованию содержания архитектурной деятельности как разработке ПСД — проектно-строительной документации. То есть если в международной профессии культивируются такие ориентиры для архитектурной профессии, как ответственность перед обществом, культурой, сообществом и, в конце концов, перед конкретным клиентом, ответственность перед построенной и природной средой, ответственность, в конце концов, перед самой профессией, то у нас эти ценности, если их извлечь из этого текста, звучат именно так — творчество, авторство плюс проектно-строительная документация для строительства.

Ну и я сделал еще сравнительный анализ языка этого нашего документа и документа международного.

Я не думаю, что язык как инструмент, который выстраивает отношения между мышлением, миром человеческого мышления и миром объективным, который находится за пределами человеческого сознания, чем-то может быть заменён — пространством или чем-то ещё другим. С точки зрения лингвистики, пространство — это тоже язык. Так вот, я сравнил некоторые концепты, очень

коротко, этих двух документов, международного и нашего. И вот, что может быть интересно.

В документе международном слово «творчество» и «творческие» из шести тысяч слов присутствуют трижды. А в нашем документе, он, правда, побольше, он десять тысяч слов, но «творческие» и «творчество» присутствуют двадцать четыре раза. «Нормы», «нормативные», «стандарты» в международном Документе — 37 упоминаний, а в нашем отечественном — 146.

Среди 6 тысяч слов международного документа «социальный» и «общественный» встречаются 30 раз, а в 10 тысячах слов нашего текста — только 20 раз. То есть ясно, что внимания к этим концептам в нашем документе меньше. Это то, что касается роли осмысления миссии и профессии.

А второй пункт — я попытался также рассмотреть, каково место концепта «миссии» в выстраивании архитектурного образования, — нашего, отечественного и в более широком международном контексте. Исходя из того, что профессиональное видение миссии или отсутствие такового видения, оно транслируется непременно в архитектурное образование. Сильные связи профессии с образованием или не очень сильные, но это непременно происходит. Так вот, в российском архитектурном образовании миссия осмысливается крайне редко, в отличие от зарубежных архитектурных школ. И последний тезис. Невнимание к миссии приводит к дисбалансу целей, неумеренному акценту на художественности, на креативности в образовании, в ущерб всему тому, что связано с научностью, профессиональностью, технической грамотностью и другими пятью составляющими, о которых я сказал выше.

И не случайно российское архитектурное образование себя осознаёт и себя репрезентирует как архитектурно-художественное образование, делая именно этот акцент, в гораздо большей степени, во всяком случае, нежели профессиональное образование. Проиллюстрировать то, что это действительно имеет место, я могу на примере миссии и целей архитектурных школ, которые я выписал на примере 20 отечественных школ и 20 зарубежных школ.

Очень коротко формулировки миссии некоторых из них выборочно:

Политехнический университет в Помоне, миссия архитектурного образования — «улучшение местных сообществ и разрешение настоятельных проблем, с которыми сталкивается общество».

Университет или школа архитектуры Купер-Юнион, миссия архитектурной школы — «просвещать, содействовать просвещенному вкладу в развитие общества». Иллинойский технологический институт — «наша миссия укреплять понимание роли архитектора в обществе как этического, пронизательного и информированного лидера».

Были выбраны и 20 отечественных ведущих архитектурных школ. Только две из этого списка каким-то образом предъявляют свою миссию.

Это сделала МАРШ, что вполне ожидаемо: они работали в контексте англоязычного архитектурного образования и действовали по соответствующим законам. Они очень ясно и понятным языком говорят о том, что нацелены на воспитание думающих компетентных ответственных профессионалов, понимающих архитектуру и градостроительство как гуманитарную и социально-ответственную деятельность, обращенную, прежде всего, к базовым потребностям человека.

И еще одна школа, которая тоже концепт миссии употребляет, правда, акцент смещает с социально-культурных аспектов на творческие и креативные — это

ЮФУ (Ростов-на-Дону). Они говорят о том, что миссия развития, совершенствования образовательной научно-творческой инновационной деятельности области архитектуры — выявление развития творческих способностей каждого студента.

В общем, достаточно оснований говорить о том, что и российское архитектурное образование, и российская архитектурная школа в принципе обходятся без осмысления своей общественной и культурной миссии. И за это платят очень высокую плату — это потеря профессией роли интеллектуального лидера, подчинение девелопменту и бизнесу, уменьшение общественной поддержки профессии, снижение уровня архитектурного образования, нарушение связей между профессией и образованием.

И мне кажется, вывод из этого может быть сделан такой: активная часть и архитектурной профессии, и архитектурного образования должна заниматься тем, чтобы побуждать и профессию, и образование к осмыслению и предъявлению общественности своей миссии.

Ткачев В.Н.

Теоретической «затравкой» дискуссии стала редакционная статья в последнем номере 2023 года Журнала «Архитектура и строительство России» [7], посвященная сопоставлению идеологии антропных истоков архитектуры и тезисов ее самозарождения и саморазвития как объекта эволюции материи.

В прошлом веке советский астроном Г.М. Идлис обобщил сведения науки о предустановленности развития материи Вселенной на «воспитание» разумных существ как промежуточного этапа созидательных процессов космоса. А человечество, ослепленное сознанием своего господства над миром, принялось в качестве хозяина жизни совершенствовать среду обитания вместо того, чтобы понять направления развития эволюции и поддержать его цивилизованными средствами.

С архитектурой, обобщающей сферы деятельности, все обстоит таким же образом: сегодня нужно пересмотреть свои амбиции «царя горы», остановиться в соревновании «кто выше», шокирования населения планеты атектоничными монстрами, которые уже сейчас вызывают иронию и недоумение наивным безрассудством архитектурных игр.

Архитектура становится посмешищем цивилизации, но созрела как декорация апокалипсиса.

Осознание свойств саморазвития системы организации среды обитания служит прививкой против непродуктивного вмешательства человека в естественную эволюцию архитектуры. Как заметил в ходе дискуссии профессор К.В. Кияненко: «профессия должна вписаться в парадигму общественного сознания». И при этом унять свои миссионерские амбиции, неуместные в обстановке смены пафоса духовности на трезвый конформизм либерального бытия.

Признаки оттеснения архитектора от престижного положения в строительной иерархии стали уже очевидными. Если закрывать глаза на более серьезные проблемы бытия, то, действительно, положение архитектуры и архитекторов представляет актуальную тему обсуждения при том, что архитектура достоверно отображает визуальную картину мира как индикатор, бесстрастно удостоверяющий парадокс параллели погружающегося в декаданс мирового сообщества и блестящие технические и культурные достижения цивилизации. Что свидетельствует, по мнению большинства социологов, о закате нашей эры.

Мир устал в своем существовании в тесной Европе и теперь пытается решить свои проблемы пространства

и истощения ресурсов за счет России, Сибири. Погруженный в социальный декаданс, Запад, давно пораженный нищезанятием, исповедует разрушительные идеи построения нового мира на остатках разрушенного и пытается втянуть в сферу своего мировоззрения молодое поколение россиян. Нам не нужно спешить с либерализацией взглядов на суицид, трансвестизм, гендерные извращения и прочие признаки разложения общества, отображенные в западной архитектуре.

Перед нами свои, грандиозные задачи архитектурного освоения Востока страны, о которых мы часто, много и вдохновенно говорим. Но — нужен решительный импульс государственного масштаба; мы его долго ждем. Прогресс цивилизации свернул на каменистую колею, оттого в нашем мире так много противоречий. В том числе и в положении архитектурной специальности, утратившей былой аристократический ореол. Архитекторы сами виноваты — впустили в свой цех привлекательную красочную подачу образа, над которым и размышлять долго не пришлось, и все делается быстро, с полиграфическим качеством.

Уже привычны сетования на утрату престижа профессии (в ее узком понимании) и статуса архитектора как ведущего персонажа в структуре отрасли, ибо эволюция профессии предполагает, в силу расширения спектра деятельности от проектного замысла до технологии его реализации замену «античной» монополии архитектора расщеплением ответственности за художественные и инженерные аспекты создания объекта.

Появление уникальных социально значимых объектов в эпоху минус-пассионарности стало редким историческим событием, но возросло количество сооружений тривиальной, рутинной архитектуры, к проектированию которой не было нужды привлекать архитектора, тем более что типовые объекты выполнялись тиражировано в типовых проектах, неоднократно разработанных. Для архитектора остались вакансии дизайнера. Эта профессия, вызванная к жизни потребностями «красивой жизни», вначале осваивалась людьми, не имеющими навыков рисования и композиции, обходившимися удачным сочетанием вкуса и предприимчивости, достаточными для «евроремонта».

Вхождение профессионального архитектора в эту сферу совершенствования среды обитания значительно подняло эстетический уровень архитектурного пространства.

Кризис архитектурной профессии частично получил разрядку в деятельности грамотных и энергичных архитекторов, познакомившихся с опытом западных коллег. С укреплением удачными работами профессионального признания и своей харизмы — как у популярных артистов — имена новых мэтров становятся аттракторами, к ним подтягиваются коллективы соратников-разработчиков: PR состоялся, обеспечивая творческую команду авторитетом и коммерческой удачей.

Все известные нам западные успешные проектные фирмы, скрепленные именем основателя, созданы по такой модели. Наши архитекторы их догоняют.

Успех достигается тем, что архитектурный замысел, его творческая основа и контроль реализации разработки находятся в ведении креатора, единоличного или коллективного, утверждающего свои творческие концепции теоретическими программами. Впервые мы познакомились с такой напористой технологией корпоративного творчества, когда в Москву приезжал Н. Фостер со своей командой.

Импозантное и обоснованное авторское кредо — лучшая реклама проектной фирмы и состоятельности заказчика, решившегося на неординарный заказ.

Западный мир так устроен — претенциозные по архитектуре сооружения бесцеремонно вторгаются в массу рутинной застройки. Это заметно и в активизации нашей строительной деятельности, особенно в Москве.

Скоростная застройка столицы однообразно многоэтажными зданиями, прорастающими сквозь сложившуюся в XX веке архитектурную среду непривычными для психологии горожанина темпами, вызывает реакцию отторжения, воспринимаемую чутким профессиональным сознанием архитекторов как потребность возвращения к формам старой доброй архитектуры из кирпича и штукатурки. Возникает феномен неотрадиционализма — радующие глаз здания смешанной высотности с фасадами, украшенными фасонными деталями.

Но авангардисты не уступают, проектируя на бумаге и в ПК небоскребы чудовищной высоты с аневризмами форм и функциями хранилища шедевров цивилизации для постапокалиптической эпохи!

Авторское монопольное право на определенное стилистическое решение закрепляется лицензиями и патентами как на изобретение. Ведь мест на профессиональном Олимпе немного!

Рожденная рыночным экстазом архитектура необыкновенно привлекательна, скорее всего в силу своей формальной необычности, пафоса, отрицания привычных форм и влияет не столько на зрелых архитекторов в их попытках эпигонства популярной стилистики, сколько на умы студентов-архитекторов. Уверенности в благотворности такого влияния нет.

В целом образовательная система в архитектуре подвергается экспансии цифровой технологии композиционных упражнений, вытесняющей традиционное мышление архитектора с карандашом или кистью в руке. «Демобилизация» ручной технологии мышления в архитектуре дополняется вторжением компьютерных игр в архитектуру, вообще освобождающих студента от «рукоприкладства».

С дистанционным образованием уходит в прошлое практика личного контакта студент-мэтр по модели «делаю как я» — по крайней мере на первых этапах учебы.

Между прочим, ознакомление с Болонской системой обучения дает основания предполагать ее подходящей именно для архитектурного образования. В соответствии с ее методикой студент имеет право выбора изучаемых дисциплин, избавляясь от балластных (навязываемых штатным университетским набором) и сосредоточиваясь на необходимых; может посвятить время концентрированному овладению предпочитаемой дисциплины (или типологическому разделу проектирования), имеет возможность свободно менять место учебы, чтобы познакомиться с различными школами профессии.

Дихотомия архитектуры на «художественную» и техническую составляющие дополняется расщеплением на теорию и практику, все более отдаляющихся друг от друга как разные специальности.

Наши коллеги Дубынин Н.В. и Кочешкова Е.И. добросовестно внедряющие цифровизацию в проектирование, обнаружили, что их разработки по совершенствованию рабочей документации не нашли понимания у строителей [8].

Архитекторы-практики, заняты повседневной проектной работой, имеющей свой режим, нормы, профессиональную специфику, сроки, то есть организационные рамки конкретного производства, тоже не проявляют интереса к теоретическим проблемам специальности — разве что в исключительных случаях необходимости аргументации решения неортодоксальными доводами. И, конечно, талантливые зодчие, привлекая внимание

к своим концепциям, излагают их вербально. Рэм Колхас, например, начинал свою архитектурную карьеру с профессиональной литературы.

В современной архитектуре достаточно много взрывных теоретических эскапад, ниспровергающих старое и обновляющих сложившиеся взгляды на «правильную» архитектуру [9].

Это и обновленческие бумы вроде футуристических прожектов группы Аркигрэм, наших НЭРовцев, П. Солери, А. Доксиадиса, авторов современных компьютерных фантазий, весьма убедительно, кстати, изображающих города-сады и финал апокалипсиса.

Что заставляет человечество устремляться вверх, обозначая «успех» цивилизации? Обитать в небоскребах противоестественно, как неестественны и причины: спасения городов от переуплотнения и коммерческие соображения.

Иными словами, профессия архитектора не умирает, она только усложнилась, изменила ориентиры самооценки, в которых уже нет места модели архитектора-демиурга. Произошел «кувырок» в сознании профессионалов по поводу миссии архитектора в обществе.

По моему мнению, смешно требовать издания закона об архитектуре сейчас. А документы Международного союза архитекторов, изложенные как сакральные декларации, тоже звучат сегодня иронично, вроде клятвы Гиппократова.

К изучению архитектуры необходимо приступать подготовленными. Это вообще-то династийная профессия, как поколения скрипичных мастеров, где главное не обучение, а воспитание самой средой. Образование — следствие ориентированного воспитания.

И по этой же причине обучению архитектуре в «бумажном» варианте должен предшествовать рабочий стаж на малой стройке, где собственным опытом постигается суть процесса стройки, свойства материалов, чувство конструктивной логики — скажем, толщины перекрытия. Прививка чувства красоты тоже должна появиться как следствие понимания гармонии целесообразности. Это избавит студента-архитектора от беспредметности мышления и шелухи эстетства.

Опасаться надо вот чего: творческую мотивацию и профессиональную ответственность подмял бизнес — в собственных интересах. Здесь аристократизм архитектуры заключается в тезисе «кушать подано». Неприятно.

К сожалению, до сих пор остается ощущение, что мы находимся на обочине большой архитектуры Запада, которая на излете своего творческого потенциала дает нам уроки высокопрофессиональной работы, позволяя себе волюнтаризм экзальтированных форм, граничащих с тектоническим беспределом. И тем развращающих профессиональное сознание наших зодчих, хотя и у нас есть много замечательных образцов неординарного творчества, на которые обращают внимание западные коллеги, что-то подхватывая для своих работ, и признаются, что испытывают влияние наших предшественников. Но ощущение вторичности, эпигонства все же остается. Это синдром ученического поведения, свойственный взаимной суггестии — позитивного восприятия чужих успехов.

Назревает время, когда нам необходимо определить с раздельными направлениями объемной архитектуры и градостроительства, неизбежно тяготеющими к методологическому единству общего ремесла. Еще существует стереотип восприятия урбанизма как системы освоения территорий с собственной, отличной от объемной архитектуры сферой проблем, профессионального языка, проектной «кухни» и научных целей.

Жизнь между тем свидетельствует о появлении интегрирующих мостов между специальностями, воспринимаемыми как цепь последовательно связанных этапов решения единой задачи организации среды обитания по фрактальному принципу обеспечения каждого этапа пакетом паттернов жизнеобеспечения, разница между которыми заключается только в масштабах составляющих — уровнях среды от личного пространства до города и далее. Единая универсальная формула меню паттернов теоретически укрепит реальные действия градостроительства и не допустит дефицита какого-либо пункта социального обеспечения.

Отсутствие некогда такого подхода в практике, например, основания моногородов в Сибири обернулось состоянием перманентной ущербности города как полноценного локуса обитания, не преодоленной до сих пор из-за профессиональной слепоты создателей. И современной администрации.

Архитектор должен созревать в профессии как психолог, как специалист, тонко чувствующий трансцендентную материю архитектуры, как это чувствует музыкант, достигший уровня понимания «хорошо темперированно-го клавира» — то есть равновесия частей произведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Метленков, Н. Ф. Миссия архитектора / Н. Ф. Метленков // Архитектура и строительство России. – 2024. – № 3(251). – С. 2-3.
2. Иванов, К.А., Архитектура и общество: автореф. дисс.... докт. арх. / К. А. Иванов. – М., 1967. – 53 с.
3. Эшби, У. Р. Конструкция мозга: Происхождение адаптивного поведения / пер. с англ. Ю. И. Лашкевича; под ред. П. К. Анохина; В. А. Шидловского. – М.: Мир, 1964. – 411 с.
4. Метленков Н.Ф. Парадигмальная динамика архитектурного метода (монография) / Н.Ф. Метленков. – М.: Архитектура и строительство России, 2018. – 428 с.: илл.
5. Архитектурное образование в Казахстане / А. Абилов, Н. Метленков, А. Ходжикиев [и др.] // Проект Байкал. – 2021. – Т. 18, № 67. – С. 163-165.
6. Кияненко К.В. Лики архитектуры и генотипы архитектурного образования / К.В. Кияненко // Архитектура и строительство России – №1 (245), 2023. – С. 30-35.
7. Метленков Н. Ф., Конева Е. В. Саморазвивающаяся архитектура / Н. Ф. Метленков, Е. В. Конева // Архитектура и строительство России. – 2023. – № 4(248). – С. 2-3.
8. Дубынин Н. В., Кочешкова Е. И., Граник М. Ю., Родимов А. О. Цифровая архитектура / Н. В. Дубынин, Е. И. Кочешкова, М. Ю. Граник, А. О. Родимов // Academia. Архитектура и строительство. – 2022. – № 1. – С. 19-28.
9. Ткачёв, В.Н. Архитектура всего: монография / В.Н. Ткачёв. – М.: Издательство МИСИ-МГСУ, 2021. – 260 с.

REFERENCES

1. Metlenkov N. F. (2024) Missiya arhitektora [Mission of the architect] / N. F. Metlenkov // Arhitektura i stroitel'stvo Rossii. – № 3(251). – P. 2-3.
2. Ivanov K. A. (1967) Arhitektura i obshchestvo [Architecture and community]: avtoref. diss.... dokt. arhitekt / K. A. Ivanov. – M. – 53 p.
3. Eshbi U. R. (1964) Konstrukciya mozga: Proiskhozhdenie adaptivnogo povedeniya [Brain design: The origin of adaptive behaviour / per. s angl. Yu. I. Lashkevicha; pod red. P. K. Anohina; V. A. Shidlovskogo. – M.: Mir. – 411 p.
4. Metlenkov N.F. (2018) Paradigmal'naya dinamika arhitekturnogo metoda [Paradigmatic dynamics of architectural method] (monografiya) / N.F. Metlenkov. – M.: Arhitektura i stroitel'stvo Rossii. – 428 p.: ill.
5. Arhitekturnoe obrazovanie v Kazahstane (2021) [Architectural education in Kazakhstan] / A. Abilov, N. Metlenkov, A. Hodzhikov [i dr.] // Proekt Bajkal. – T. 18, № 67. – P. 163-165.
6. Kiyanenkov K.V. (2023) Liki arhitektury i genotipy arhitekturnogo obrazovaniya [Faces of architecture and genotypes of architectural education] / Arhitektura i stroitel'stvo Rossii – №1 (245), 2023. – P. 30-35.
7. Metlenkov N. F., Koneva E. V. (2023) Samorazvivayushchayasya arhitektura [Self-developing architecture] / N. F. Metlenkov, E. V. Koneva // Arhitektura i stroitel'stvo Rossii. – № 4(248). – P. 2-3.
8. Dubynin N. V., Kocheshkova E. I., Granik M. Yu., Rodimov A. O. (2022) Cifrovaya arhitektura [Digital architecture] / N. V. Dubynin, E. I. Kocheshkova, M. Yu. Granik, A. O. Rodimov // Academia. Arhitektura i stroitel'stvo. – № 1. – P. 19-28
9. Tkachyov, V.N. (2021) Arhitektura vsego [Architecture of everything]: monografiya / V.N. Tkachyov. – M.: Izdatel'stvo MISI-MGSU, 2021. – 260 p.

АНОНС
Тематики круглого стола журнала
«АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО РОССИИ»
(2025 № 1)

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ:
ТЕРРИТОРИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ**

Ленинградская область — один из активно развивающихся регионов нашей страны. В последние годы развитие Ленинградской области на приграничных территориях к г. Санкт-Петербургу осуществлялось преимущественно на север и восток. Удаленные районы региона развивались за счет крупных инвестиционных проектов или производств в моногородах. Однако территориальный ресурс для развития в указанных направлениях в границах Санкт-Петербургской агломерации исчерпывается. В связи с этим появляются новые векторы пространственного развития исходя из имеющихся ресурсов и вовлечении в хозяйственную деятельность новых территорий — это южное и западное направления агломерационных территорий. Придание статуса столицы Ленинградской области городу Гатчине также обуславливает ускоренное развитие территорий между Санкт-Петербургом и Гатчиной в южном направлении. На сегодняшний день в регионе утверждены документы территориального планирования всех уровней. Они обеспечивают сохранение (и увеличение) темпов жилищного строительства на долгосрочную перспективу (15 лет и более). Для размещения и развития промышленных и сельскохозяйственных производств предусмотрено формирование производственных зон, индустриальных технопарков и др. На территории области реализуются крупнейшие инвестиционные проекты федерального значения в области промышленности, морского и автомобильного транспорта, энергетических и трубопроводных систем, которые обусловлены природными ресурсами, геополитическим положением региона, наличием трудовых кадров и социально-экономическим потенциалом. Регион предпринимает усилия, чтобы городская среда была комфортной, безопасной и современной. Это особенно важно для уменьшения миграционных процессов с периферийных территорий области. В Ленинградской области также наблюдается устойчивая динамика роста туристического потока. На долю региона приходится 15–20% объема въездного национального туристического потока. По итогам 2024 года он составил около 6 млн. человек. Основными видами туристического продукта являются культурно-познавательный, лечебно-оздоровительный, экологический и паломнический туризм.

Таким образом, из множества задач, которые ставит перед собой регион, формируется профессиональная дискуссия разных по профилю специалистов, объединённых Советом по градостроительному развитию Ленинградской области при Санкт-Петербургском Союзе архитекторов. Целью Круглого стола является объединение компетенций и экспертных мнений, которые позволят разработать наиболее качественные архитектурно-градостроительные решения для пространственного развития региона и укрепит сотрудничество между Комитетом градостроительной политики Ленинградской области и профессиональным сообществом: учеными, архитекторами, градостроителями, дизайнерами, реставраторами и специалистами смежных сфер деятельности.

На круглом столе планируется рассмотреть ряд вопросов:

— развитие транспортной инфраструктуры в границах Санкт-Петербургской агломерации;

— градостроительное развитие крупных опорных пунктов Ленинградской области, а также малых городов и исторических поселений;

— современные подходы к планированию социальной и производственной инфраструктуры региона;

— архитектурный облик населенных пунктов Ленинградской области;

— сохранение объектов культурного наследия;

— благоустройство прибрежных территорий;

— технологии информационного моделирования;

— формирование дизайн-кодов в городах и населенных пунктах Ленинградской области.

Приглашаем преподавателей, теоретиков и практиков архитектуры и градостроительства к дискуссии в формате научно-исследовательской статьи.

МОДЕРАТОРЫ НОМЕРА:

ПЕРЬКОВА МАРГАРИТА ВИКТОРОВНА, доктор архитектуры, советник РААСН, Почетный работник сферы образования РФ, директор Высшей школы дизайна и архитектуры Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, член Союза архитекторов России.

ЛУТЧЕНКО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ, кандидат архитектуры, советник РААСН, первый заместитель председателя Комитета градостроительной политики Ленинградской области — главный архитектор Ленинградской области, председатель Совета по градостроительному развитию Ленинградской области Союза архитекторов России.